

ВРЕМЕННЫЕ ПЕРИОДЫ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА В ПОЭЗИИ И. А. БУНИНА

А. А. Безруков¹, Т. В. Белова²

¹ Армавирский государственный педагогический университет, г. Армавир

²Тверской государственный университет, г. Тверь

Статья посвящена исследованию особенностей временных категорий в поэзии И. А. Бунина. Время рассматривается и как объект изображения, тема произведения, и как художественный фактор, и в качестве средства описания действительности и внутренней жизни человека.

Ключевые слова: поэзия И. А. Бунина, антропоморфизм, темпоральность, дихотомичность сознания, временная оппозиция.

Дихотомичность сознания И. А. Бунина (материальное / духовное) предопределяет появление в его поэтических текстах бинарных оппозиций при интерпретации им культурных концептов, что находит своё отражение в композиционной, пространственно-временной, смысловой, чувственно-эмоциональной структуре его лирики, в семиотической стратегии.

Как известно, время осмысливается человеком как реальность [3; 4; 5; и др.]. В семантике и оценке конкретных временных периодов у И. А. Бунина прослеживается антропоморфизм: время в пределах каждого природного цикла (*год, месяц, век, час, мгновение*) эксплицируется сквозь призму человеческой жизни, ибо всё имеет своё начало (рождение), расцвет, увядание и конец (смерть), за которым следует возрождение, начинается новый цикл. Время персонифицируется, выступает в роли действующего субъекта: оно останавливается, течёт, приходит, кончается [1, с. 208]. Основной временной оппозицией поэтических произведений И. А. Бунина является «миг / вечность».

В рамках статьи под мгновением, согласно мировоззренческой концепции И. А. Бунина, будем понимать время человеческой жизни, включающей в себя минуты, часы, года, век, то есть то, что преходяще и что повторить нельзя. Поэт, актуализируя мимолётность, быстротечность и кратковременность чего-либо, использует в текстах номинации *миг, мгновение, минута* (ср.: [6; 7]), которые служат в бунинской лирике репрезентантами ментальной сферы лирического героя, объективируют его чувственную сферу (*Минуты светлых дум и грёз*), обозначают личностные ассоциации персонажа и самого автора. Так, в стихотворении «Был поздний час» (1901) (здесь и далее стихотворения И. А. Бунина цитируем

© Безруков А. А., Белова Т. В., 2024

по [2]) автор описывает появление в небе ракеты, которая на мгновение взвилась «бешеной змеёю»: *Но миг один – и в темноту, в забвенье / Уже текут алмазы крупных слёз.* С грустью говорит поэт об этом стремительном полёте, который сродни человеческой жизни, данной лишь на срок. В стихотворении «Зарницы лик, как сновиденье» (1901) поэт говорит о способности человека видеть красоту природного мира, в мгновенном, минутном – блеске зарницы – увидеть вечность: *Блеснул – и в темноте исчез./ Но увидал я на мгновенье/ Всю даль и глубину небес.* Не случайно в тексте появляется стилистически маркированное устно-книжное слово «клик». В стихотворении «Раскрылось небо голубое» (1901) герой приходит в восторг от весенних запахов леса, от облаков, даже от пробудившейся змеи. Всё радуется весне, жизни, которая кажется бесконечной и счастливой: *Раскрылось небо голубое/ Меж облаков в апрельский день <...> Сухие листья, запах пряный, / Атласный блеск березняка...* Но стихотворение заканчивается номинацией «тоска», противопоставленной слову «миг», который назван и счастливым, и обманным: *О миг счастливый, миг обманный, / Стократ блаженная тоска!* В стихотворении «Петух на церковном кресте» (1922) поэт говорит о жизни как о миге: *...лишь на миг судьбою дан / И отчий дом, и милый друг, / И круг детей, / И внуков круг...* Таким образом, номинации «миг», «мгновение» у поэта выполняют роль медиатора между природно-бытовым и бытийным. Лирическую линию автор ведет от описания конкретного события к образному выявлению символики вечности бытия, ассоциируемой с небом.

Номинация «час» в бунинской лирике входит в разные контексты. Прежде всего, это пейзажные зарисовки, раскрывающие красоту природного мира: *Вечерний час. В долину тень сползла. // Сосною пахнет, Чисто и глубоко / Над лесом небо* («Горный лес» (1908)). В раннем стихотворении И.А. Бунина «Ночь наступила, день угас...» (1895) лирический герой «всей душою» покоряется «в этот час ночному кроткому покою» и счастлив тем, что «облегчённо дышит грудь», «сад нежно благоухает», что «мирно светит и сияет / В далёком небе Млечный Путь». Бунинский герой приемлет всё: и радость, и страдание, и счастье осознания причастности к великим таинствам ночного мира: *За счастье минут таких, / За светлые воспоминанья/ Благословляю каждый миг/ Былого счастья и страданья.* Эти же мотивы прослеживаются в стихотворении «Поздний час» (1901): *В царстве безграничного молчанья,/ В тишине глубокой сторожат / Час полночный звёзды над морями / И в морях таинственно дрожат.* В такой час душа героя «исполнена предвечной Красоты и правды неземной».

В стихотворении «Ангел» (1891) синтаксическая конструкция с темпоральным значением «в вечерний час» коррелирует с номинациями «небеса», «ангел», «степь», «закат», «ребёнок», «душа», «Господь», придавая сакральный смысл произведению. Ангел тоже назван «вечерним».

Он по велению Господа благословил ребёнка «на путь и правды и любви»: *И ангел светлою улыбкой / Ребенка тихо осенил / И на закат лучисто-зыбкий / Поднялся в блеске нежных крыл.* В стихотворении «В Гефсиманском саду» (1894) сочетание «в этот час» служит означиванию библейского сюжета (моление Сына Божьего о чаше) и маркирует мотив преклонения перед Христом природных стихий в «час скорби, в тёмный час страдания».

В любовной лирике И. А. Бунина часто свидетелями встреч героев являются звёзды, месяц, красота ночной степи (поля) в поздний, «полночный час». Так, в стихотворении «В поздний час мы были с нею в поле...» (1901) номинация «час» контекстуально коррелирует с лексемой «ночь», красота которой раскрывается на фоне ночного звёздного неба, тёмного поля, свежо пахнущего росой: *Звёзды тихо искрились над нами, / Тонко пахло свежестью росы. // Ласково касался я устами / До горячих щёк и до косы.* Наречия «тихо», «тонко», «ласково» – репрезентанты внутреннего состояния героя.

Размышления поэта о времени, жизни и смерти, молодости и старости представлены в стихотворении «В старом городе» (1901). И. А. Бунин описывает ночной город, который «ночь сокрыла / В мягкий сумрак от усталых глаз», даруя ему «кроткий час покоя». Но номинация «смерть», синтаксические конструкции «грустно светят звёзды», «чернеет тьма», «смерти медленный дозор», «чёрные башни», «часов задумчивый укор» вносят в текст интонацию беспокойства, какой-то обречённости: *В вышине / Грустно светят звёзды. Всё земное / Смерть, как страж, обходит в тишине.* Так утверждается мысль о всеильности и всевластности смерти над всем земным, которое конечно, ибо часы, дни, годы неумолимо бегут. Поэт говорит о том, что только молодость не знает страха смерти; молодость мечтает, строит планы на большую, долгую и счастливую жизнь: *Там в садах платаны зацветают, / Нежно веет раннею весной, / А на окнах девушки мечтают, / Упиваясь свежестью ночной.* Молодость не видит «чёрных башен», не слышит «часов задумчивый укор».

В стихотворении «Солнечные часы» (1906–1911) И. А. Бунин как бы соизмеряет земное, тленное, и вечное, вселенское, которое от Бога. «Часики с эмалью», с «маятником лучистым» уже сломались, умолкли и лежат «в пыли чердачного архива»; умер и их хозяин. Однако поэт вводит в текст «речь» солнечных часов, которая «подключается» к предыдущему тексту синтаксическими конструкциями с союзом «но» и выражает мысль о продолжающейся жизни солнечных часов: их «в полночный час» серебрят звёзды; днём, до заката, их «солнце озлащает»: *Позеленел наш медный циферблат. // Но стрелку нашу в диске циферблата / Ведёт сам Бог. Со всей вселенной в лад.*

В стихотворении «Ритм» (1912) поэт говорит о времени (номинация «часы») как о мгновениях, бегущих «чередой / К безвестности, к заб-

вению, к могиле». Лирический герой «заворожён ритмической мечтой», понимая, что всё – ритм и бег, стремление к чему-то высокому, надбытовому. И стук сердца, и ритмика стихотворных строк, и музыка космоса (*мыслимая музыка планет*) – всё есть движение, т.е. жизнь, единение земного и небесного. Это позволяет И.А. Бунину ощутить не только «бесцельность» стремления времени вперёд, т.е. означить в тексте мотив конечности человека, жизнь которого измеряется часами и днями, но и ту силу, которая вовлекает его в ритмы космоса, приобщая к Вечности: *Все ритм и бег. Бесцельное стремленье! // Но страшен миг, когда стремленье нет.*

Номинации «год», «век» достаточно частотны в поэтической речи И.А. Бунина. Лексема «год» противопоставлена в текстах сочетаниям «сто лет», «восемь лет», «пять тысяч лет», «много лет», маркирующим мотив размышления героя о прежних цивилизациях или его воспоминания о давно прошедших годах, о своих предках. Конструкция «круглый год» служит экспликации мотива однообразия и скуки жизни, коррелируя в контексте бунинской лирики с наречием «всегда»: *В угольной – солнце, запах кипариса... // В ней круглый год не выставляли рам. // Покой любила тетушка Лариса...* («Наследство» (1906)); *Синие обои полиняли, / Образа, дагерротипы сняли – / Только там остался синий цвет, / Где они висели много лет* («Синие обои полиняли» (1916)). Мотив воспоминания означен темпоральной конструкцией «прошлый год», а тема смерти – конструкцией «сегодня год»: *Сегодня год. Последние напевы, / Последний вздох, последний фимиам... // – Цветите, зрейте, новые посева, / Для новых жатв! Придёт черед и вам* («Ограда, крест...» (1906)). Антропоморфная метафора года используется И.А. Буниным в тех случаях, когда описывается психологическое состояние героя. Так, в стихотворении «Сквозь ветви» (1905) поэт описывает день поздней осени, которая «тёмной краской метит» листья в лесу, обречённые умереть. Однако «светло и нежно небо светит», обещая «что-то неземное»; тишина «уводит от забот», и хочется верить в то, что всё ещё будет: и весна, и новые мечты, и радость: *И опять, опять душа прощает / Промелькнувший, обманувший год!*

Конструкции, включающие количественные числительные, вводят в бунинскую лирику и мотив памяти. Лирический герой грустит о прошедшей юности (*Ранний, чуть видный рассвет, / Сердце шестнадцати лет*), вспоминает события прошлого (*Восемь лет в Венеции я не был...*). Синтаксическая конструкция «грёзы прежних лет» – маркёр мотива «юность»: *Я лёг уснуть, Но, тишине внимая, / Всё вспоминал о грёзах прежних лет* («Стояли ночи северного мая...»). Тема размышления о прошлых цивилизациях означена присутствием в тексте стихотворений И.А. Бунина количественных числительных, объективирующих мотив историко-культурной памяти человечества: *Я, бог пустыни, Сет, / Горжусь врагом: ты, побеждая Сета, / В его стране царил пять тысяч лет* («Ра-Озирис, владыка дня и света...» (1905)); *Долго трудился он; долго*

слагал воедино / То, что гробница хранила три тысячи лет, как святыню... («Надпись на чаше» (1903)).

Номинация «век» в бунинских стихотворениях может маркировать возраст человека, актуализируя мотив старости и тяжёлой судьбы: *В долгий век свой немало он силы / За тяжёлой работой убил* («Деревенский нищий» (1886)); обозначать отношение говорящего к тому времени, в котором ему пришлось жить – «презренный, дикий век», «век бесстыдный»: *Презренного, дикого века / Свидетелем быть мне дано, / И в сердце моём так могильно, / Как мёрзлое это окно* («Мы сели у печки...» (1917)); *...В твой век, бесстыдный и презренный. Перед распятым голову склони / В знак обручения со схимой...* («Всё снится мне...» (1922)). Быстротечность времени эксплицирована у поэта гидроморфной метафорой «текут века», антропоморфной метафорой «прошли века»: *Идут года, текут века – / Вот как река, как облака* («Петух на церковном кресте» (1922)); *Прошли века, но слава древней были / Жила в веках* («Любил он ночи тёмные...» (1901)). Мотив «давно прошедшее» объективирован оппозицией «век – миг», темпоральными словосочетаниями «в глубине веков», «века тому назад», что актуализирует в бунинских текстах тему исторической памяти: *И в глубине веков / Все, для кого они во тьме светили, / Исчезли в ней...* («Ночь»); *Здесь царство Амазонок <...> Но век наш – миг. И кто укажет ныне, / где на пески ступала их нога?* («У берегов Малой Азии» (1903-1906)); *Архистратиг средневековый, / Написанный века тому назад / На церковке одноголовой, / Был тонконог, весь в стали и крылат* («Архистратиг средневековый» (1916)).

В творчестве И.А. Бунина антиномия «мгновение-вечность» представлена и как философско-художественное размышление, и как духовно-биографическое переживание. Антитеза «мгновение-вечность» проходит лейтмотивом через всю его лирику. Мгновение – это наслаждение сиюминутной радостью жизни, вечность – философское осмысление жизни как величайшего дара, желание найти ответы на сложные вопросы бытия, это мысли о Боге: *Хрустальный звон сливает с небом нивы. // Цветы, колосья, травы им полны, / Он ни на миг не молкнет, но не будит / Бесстрастной предрассветной тишины* («Ночные цикады» (1910)); *Не устану воспевать вас, звезды! // Вечно вы таинственны и юны. // С детских дней я робко постигаю / Тёмных бездн сияющие руны* («Не устану воспевать вас, звезды» (1901)). Вечность характеризует сущность бытия и, соответственно, отношение конечного человеческого существования к вечности определяет один из важнейших аспектов бытия человека в мире.

Символ вечности для И.А. Бунина – природный мир, а самый впечатляющий образ вечности – ночное небо и море: *Видят они (полевые цветы) не огни, а таинственный / Вечных созвездий узор золотой* («Полевые цветы» (1887)); *Вечно лишь море, безбрежное море и небо, / Вечно*

лишь солнце, земля и ее красота («Надпись на чаше» (1903)). Поэтом в его крымском стихотворении «На поднебесном утёсе» (1889) вечность названа летящей: *Пью, как студёную воду, / Горную бурю, свободу, / Вечность, летящую тут.*

И. А. Буниным вечность интуитивно ощущалась, но присутствие в мире смерти заставляло его искать ответ на вопрос «Есть ли в жизни смысл, не уничтожаемый смертью?» В стихотворении «Надпись на чаше» (1903) сорокадвухлетний поэт вечность природно-бытийных явлений уравнивает с вечностью Бога. В этом произведении особенно значимо бунинское утверждение о связи живых и умерших. Память способна преодолеть время и смерть: *Вечно лишь то, что связует незримо связь / Душу и сердце живых с тёмной душою могил.* Поэт понимает, что в тайну проникнуть невозможно, но ею можно проникнуться, ибо тайна требует сопричастности, соучастия познающего субъекта, и это уже проблема духовная. В стихотворении «Ночь» (1901) поэт заявляет: *Ищу я в этом мире сочетанья / Прекрасного и вечного.*

У И. А. Бунина образ вечного часто коррелирует с образом ночи, ибо ночь – это способ познания Бога, понимания Его вечности. В стихотворении «Ночь и день» (1901) поэт размышляет о двух способах познания жизни – созерцание природы и Божественное Откровение. Заметим, что молчание, тишина у И. А. Бунина – необходимое условие для познания Бога, общения с Ним, понимания Его величия как Творца мира. Образ старой книги, которую долгие ночи читает лирический герой, – это, видимо, Библия: *Старую книгу читаю я долгие ночи / При одиноком и тихом дрожащем огне: «Всё мимолётно – и скорби, и радость, и песни, / Вечен лишь бог. Он в ночной неземной тишине».* Дневное созерцание и вслушивание в «голоса» природного мира сопоставимы с тем, что сказано в старой книге. Они сопоставимы по открывшейся герою истине о Его вечности: *Птицы о радости вечного бога поют!* Подчеркнём, что радость, которая определяется как одна из характеристик Бога, есть неизбежное следствие бунинского ощущения вечности Бога, сообщившего её бытию: *Пройдёт моя весна, и этот день пройдёт, / Но весело бродить и знать, что всё проходит, / Меж тем как счастье жить вовеки не умрёт...* («Лесная дорога» (1902)).

Человек у поэта – «вне жизни и вне времён», он соотнесён с вечными законами бытия, наделён экзистенциальным мироощущением. В этом плане важным для понимания космизма И. А. Бунина является стихотворение «Джордано Бруно» (1906), в котором автор вкладывает в уста своего героя мысль о том, что красота земной жизни есть преходящее, временное состояние, предшествующее переходу духовной составляющей человеческого существа в жизнь вечную, во вселенную: *Живите во Вселенной <...> Живите красотой неизменной. // Ты, мать-земля, душе моей близка – / И далека. Люблю я смех и радость, / Но в радо-*

сти моей – всегда тоска, / В тоске всегда – таинственная сладость! Джордано говорит о свободе, которая есть лишь в «бездне Сферы», в её лазури, блеске, свете: *«Мы остановим солнце Птолемея – / И вихрь миров, несметный сонм планет, / Пред нами развернется, пламеня!»* Поэт говорит о трагичной участи мыслителя, обогнавшего своё время. Но его подвиг не был бесполезен, ибо он оставил свой след в веках как пример многим, как символ глубокой веры в свои убеждения: *Умерший в рабский век / Бессмертием венчается – в свободном! // Я умираю – ибо так хочу. // Развей, палач, развей мой прах, презренный! // Привет Вселенной, Солнцу! Палачу!– / Он мысль мою развеет по Вселенной!* Осмысление поэтом себя как частицы мироздания говорит о его приятии всех сторон жизни.

В семантике и оценке конкретных временных периодов в поэтической речи И. А. Бунина прослеживается антропоморфизм: время в пределах каждого природного цикла (год, месяц, век, час, мгновение) эксплицируется сквозь призму человеческой жизни, ибо все имеет своё начало (рождение), расцвет, увядание и конец (смерть), за которым следует возрождение, начинается новый цикл. Время персонифицируется, выступает в роли действующего субъекта: оно останавливается, течёт, приходит, кончается.

Анализ языкового материала показывает, что в лирике поэта наблюдается постоянная транспозиция прошлого в настоящее, что обуславливает «вплетённость» прошлого в сиюминутные переживания бунинского героя. Время в поэтической речи И.А. Бунина выступает и как объект изображения, тема произведения, и как художественный фактор, и в качестве средства описания действительности и внутреннего мира человека. Художественное время в классификациях видов времён чаще всего рассматривается в рамках духовного времени, которое соединяет миг и вечность, срок и черту, день и ночь, небо и землю, дух и душу, любовь и красоту, добро и истину и т.д. В лирике И. А. Бунина время «не столько изображается, сколько переживается, оценивается, интерпретируется» [4, с. 22]. Являясь категорией эстетической, время играет важную роль в структурно-содержательной организации лирики И.А. Бунина, служит экспликации аксиологической вертикали сознания поэта, участвует в означивании текстовых смыслов.

Список литературы

1. Алексеева М.А. Поле темпоральности в поэтических произведениях И.А. Бунина // Слово и текст: теория и практика коммуникации. Вып. 14. Армавир: Армавирский государственный педагогический университет, 2021. С. 208–212.
2. Бунин И. А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Москва: Художественная литература, 1987. 687 с.
3. Грюнбаум А. Философские проблемы пространства и времени. Москва: Прогресс, 1969. 590 с.

4. Зелепуго Д. В. Концепт Время в художественной картине мира В. Распутина // *Lingua mobilis*. 2011. № 1 (27). С. 14–23.
5. Ильинская Е. А. Образ и концепт времени как факторы генезиса и динамики культурных систем: автореф. дис. ... докт. культурологии: 24.00.01 / Е. А. Ильинская; Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. Санкт-Петербург, 2017. 42 с.
6. Катунин Д. А. Время в зеркале русской языковой метафоры: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Д. А. Катунин; Томский государственный университет. Томск, 2005. 29 с.
7. Михеева Л. Н. Языковое время как лингвокультурологическая категория // *Русский язык за рубежом*. 2003. № 3. С. 55–60.

THE TEMPORAL PERIODS OF HUMAN LIFE IN I. A. BUNIN'S POETRY

A. A. Bezrukov¹, T. V. Belova²

¹Armavir State Pedagogical University, Armavir

²Tver State University, Tver

The article concentrates on the study of time categories and their features in the poetry by I. A. Bunin. The category of time is considered as an object, the theme and the piece of writing, and also as a means of describing both the reality and the inward man.

Keywords: *I. A. Bunin's poetry, anthropomorphism, temporality, dichotomy of consciousness, temporal opposition.*

Об авторах:

БЕЗРУКОВ Андрей Александрович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Армавирского государственного педагогического университета (352900, Армавир, ул. Р. Люксембург, 159), e-mail: bezrukov1957@yandex.ru.

БЕЛОВА Татьяна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Belova.TV@tversu.ru.

About the authors:

BEZRUKOV Andrey Aleksandrovich – Doctor of Philology, Professor at the Department of Russian Language and Literature, Armavir State Pedagogical University (352900, Armavir, R. Luxemburg str., 159), e-mail: bezrukov1957@yandex.ru.

BELOVA Tatyana Victorovna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of History and Theory of Literature, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str. 33), e-mail: Belova.TV@tversu.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.08.2024 г.

Дата подписания в печать: 06.09.2024 г.